

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-4-88-93

ГЮЛБАНКЯН Артур Самвелович,
магистрант,
Кубанский государственный университет,
e-mail: 01-gas@mail.ru

ИНСТИТУТ ЭКСТРАДИЦИИ КАК КОМПЛЕКСНОЕ МЕЖОТРАСЛЕВОЕ ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ГЕНЕЗИС, ПОНЯТИЕ И ПРИРОДА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена комплексному теоретико-правовому исследованию института экстрадиции как одного из старейших и одновременно наиболее динамично развивающихся механизмов межгосударственного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Автор последовательно рассматривает этимологию термина «экстрадиция», основные этапы исторического становления данного правового феномена в зарубежной и отечественной традиции, а также критически анализирует доктринальные подходы к определению его понятия.

Особое внимание уделяется терминологическому соотношению категорий «экстрадиция», «выдача», «выдача преступников» и «передача», а также разграничению экстрадиции и смежных правовых институтов. На основе изучения научных позиций обосновывается тезис о полисистемной межотраслевой природе экстрадиции, синтезирующей нормы международного, конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права.

Сформулировано авторское определение экстрадиции и охарактеризованы три исторически сложившиеся модели её осуществления – европейско-континентальная, англо-американская и смешанная.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстрадиция, выдача лиц, передача, международное сотрудничество, межотраслевой институт, презумпция невиновности, *aut dedere aut judicare*, исторический генезис, правовая природа.

GYULBANKYAN Artur Samvelovich,
Master's student,
Kuban State University

THE INSTITUTION OF EXTRADITION AS A COMPLEX INTERDISCIPLINARY LEGAL PHENOMENON: HISTORICAL AND LEGAL GENESIS, CONCEPT AND NATURE

ANNOTATION. The article is devoted to a comprehensive theoretical and legal study of the institution of extradition as one of the oldest and at the same time most dynamically developing mechanisms of interstate cooperation in combating crime. The author consistently examines the etymology of the term «extradition», the main stages of the historical formation of this legal phenomenon in foreign and Russian traditions, and critically analyses doctrinal approaches to defining its concept.

Particular attention is paid to the terminological correlation between the categories “extradition”, “surrender”, “surrender of criminals” and “transfer”, as well as to the demarcation between extradition and related legal institutions. Based on the analysis of scholarly positions, the thesis concerning the polysystemic interdisciplinary nature of extradition is substantiated, synthesising the norms of international, constitutional, criminal, penal-enforcement and criminal-procedural law.

The author's definition of extradition is formulated, and three historically developed models of its implementation are characterised – European-continental, Anglo-American and mixed.

KEY WORDS: extradition, surrender of persons, transfer, international cooperation, interdisciplinary institution, presumption of innocence, *aut dedere aut judicare*, historical genesis, legal nature.

Транснационализация преступности на современном этапе закономерно повышает значимость согласованных усилий государств в противодействии общественно опасным деяниям, превращая институт экстрадиции в один из ключевых инструментов обеспечения принципа неотвратимости уголовной ответственности. При этом, несмотря на многовековую практику применения, теоретические основы данного института остаются дискуссионными: до настоящего времени не выработано единого подхода ни к определению самого понятия «экстрадиция», ни к его соотношению со смежными категориями, ни к вопросу об отраслевой принадлежности соответствующих норм. Указанные обстоятельства обуславливают теоретическую и практическую актуальность настоящего исследования.

Этимологический анализ позволяет констатировать, что лексема «экстрадиция» восходит к латинской конструкции *extradition*, образованной соединением предлога *ex* («из», «вне») с существительным *traditio* («передача»), что в буквальном переводе передаёт идею «передачи вовне» [18, с. 816; 9, с. 108]. Официальное нормативное закрепление термин впервые получил во французском декрете от 19 февраля 1791 г.; политико-правовой авторитет Франции конца XVIII столетия способствовал утверждению французского языка в качестве рабочего в дипломатической переписке по экстрадиционным делам [31, с. 436]. Принципиально важно, однако, что эволюция рассматриваемого феномена носила преимущественно содержательный, а не лингвистический характер: первоначально под выдачей подразумевалось принудительное возвращение беглого подданного его сюзерену [8, с. 408], и лишь в результате длительной правовой трансформации этот инструмент политической расправы преобразился в межгосударственный механизм обеспечения неотвратимости наказания.

Классическую периодизацию ещё в XIX в. предложил Ф.Ф. Мартенс, последовательно связавший становление института с тремя этапами – от выдачи политических противников и перебежчиков (до конца XVII в.) через увеличение числа двусторонних договоров, обусловленных политической конъюнктурой (XVIII – первая половина XIX в.), к превращению выдачи в юридическую обязанность государства и в полноценный акт судебной взаимопомощи (с 40-х гг. XIX в.) [20, с. 270–271]. Окончательное оформление института в его современном виде, при котором сотрудничество в борьбе с общеуголовными деяниями стало доминировать над частными интересами монархов, относится именно к XIX столетию [7, с. 10; 17, с. 135], в течение которого радикально трансформируются субъектный состав правоотношений, целевая направленность процедуры и круг экстрадиционных деяний.

Применительно к российской правовой тра-

диции вопрос о первом упоминании выдачи остаётся дискуссионным. Длительное время в науке доминировало представление, согласно которому исторические корни выдачи следует обнаруживать в русско-византийских договорах 911, 944 (945) и 971 гг. [3, с. 35–36]. Вместе с тем данная позиция была подвергнута критике К.С. Родионовым: на основе скрупулёзного лингвистического и историко-правового анализа исследователь пришёл к выводу о том, что в ст. 14 Договора 911 г. речь ведётся не об экстрадиции как международно-правовом институте, а об архаичном обычае личных репрессалий гражданско-правового свойства [26], в связи с чем подведение идеи выдачи под содержание древних текстов представляет собой не более чем научное заблуждение [27, с. 152–164]. С учётом изложенного обоснованным следует признать отнесение к первому достоверному отечественному источнику Договорной записи со Швецией от 19 октября 1649 г. о выдаче перебежчиков, а в качестве рубежного национального нормативного акта – Закона «О выдаче преступников по требованию иностранных государств» от 15 декабря 1911 г., впервые квалифицировавшего экстрадиционный механизм как самостоятельную сложную юридическую процедуру [3, с. 39].

В современной юридической доктрине единого универсального подхода к определению понятия «экстрадиция» не сформировалось. В качестве методологического ориентира представляется оправданным опереться на позицию В.П. Коняхина, согласно которой институт выдачи (экстрадиции) являет собой совокупность нормативных предписаний, регулирующих передачу лица, совершившего преступление, одним (запрашиваемым) государством другому (запрашивающему) государству для привлечения к уголовной ответственности и (или) отбывания наказания [16, с. 18; 21, с. 101]. Достоинство данной дефиниции – в акцентировании институциональной (нормативной) природы феномена, а не только фактического акта перемещения.

Многие иные доктринальные определения отличаются избыточным формализмом. Так, классическая формулировка Г.В. Игнатенко [12, с. 35] и определение Д.К. Бекишева через совокупность действий по принудительной доставке лица [2, с. 103] оставляют за рамками своего содержания целый комплекс действий, объективно входящих в экстрадиционный процесс: установление местонахождения лица, применение мер процессуального принуждения, оценку обстоятельств дела и собственно процедуру принятия решения. Указанные пробелы отчасти восполняет позиция К.Е. Колибаба, обоснованно акцентирующего внимание на договорном характере процедуры и роли национального законодательства [14, с. 83].

Существенное значение приобретает терминологическая проблематика, связанная с раз-

граничением понятий «экстрадиция», «выдача», «выдача преступников» и «передача». Традиционно использовавшаяся в дореволюционной и советской литературе формулировка «выдача преступников» обладала ярко выраженной уголовно-обвинительной коннотацией [1, с. 81], однако в современных правовых реалиях применение лексемы «преступник» к лицу, виновность которого не установлена вступившим в законную силу обвинительным приговором, вступает в прямое противоречие с принципом презумпции невиновности. На данное обстоятельство справедливо указывает П.С. Абдуллоев, ссылающийся на правовые позиции Европейского суда по правам человека (в частности, по делу «Исмаилов и др. против России» от 24 апреля 2008 г.) [1, с. 82–84]. В связи с этим обоснован отказ от формулировки «выдача преступников» в пользу нейтральных категорий «выдача лица» или «экстрадиция» [22, с. 5]; аналогичной позиции придерживалась и В.М. Волженкина, полагавшая методологически точнее говорить о выдаче «лиц, обвиняемых в совершении преступлений, подпадающих под уголовную юрисдикцию государства» [4, с. 7].

В вопросе соотношения понятий «экстрадиция» и «выдача» в доктрине обозначились две конкурирующие позиции. Сторонники синонимичности (И.В. Смолькова [31, с. 442], А.И. Джигирь [9, с. 108]) указывают на отсутствие приемлемого русскоязычного эквивалента и предлагают отдавать предпочтение более ёмкому термину «экстрадиция» в целях унификации законодательства. Напротив, А.К. Романов и О.Б. Лысягин обоснованно настаивают на нетождественности категорий: экстрадиция представляет собой комплексный институт международного права, тогда как выдача в современных условиях является лишь формой реализации экстрадиции [28, с. 91].

Разделяя в целом тезис о необходимости разграничения, представляется обоснованным придерживаться логического подхода, согласно которому экстрадиция выступает родовым понятием, а выдача и передача – видовыми, отражающими конкретные способы её практической реализации [23, с. 8]. Подтверждением служит и практика международно-правового регулирования: в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [15] одновременно используются категории «выдача» и «передача», что обусловлено возникновением новых юридических процедур, в меньшей степени обременённых препятствиями классической экстрадиции, – наглядным примером служит передача лиц на основании Европейского ордера на арест [29, с. 12–13].

В литературе обозначились также узкий и широкий подходы к объёму понятия экстрадиции. Сторонники узкого толкования рассматривают её исключительно как процесс передачи

лица в целях уголовного преследования либо исполнения приговора [1, с. 87], тогда как представители широкого толкования включают в её содержание весь сопутствующий комплекс действий, в том числе передачу лиц международным судебным органам [11, с. 8]. Последняя позиция неоспорна: как обоснованно указывает В.С. Овчинский, экстрадицию следует отличать от передачи лица международному трибуналу, поскольку в последнем случае задействуется принцип приоритета международной юрисдикции над национальной, что качественно изменяет правовую природу процедуры [24, с. 66]. В этом контексте О.В. Воронин справедливо проводит разграничительную линию между «выдачей» как доставкой лица другому государству и «передачей» как доставкой лица в международный юрисдикционный орган, например в Международный уголовный суд в соответствии со ст. 102 Римского статута [6, с. 37]. Экстрадицию необходимо ограничивать также от депортации и административного выдворения, обладающих административно-правовой природой и применяющихся за нарушение миграционного законодательства по инициативе государства пребывания, а равно от передачи осуждённых в государство гражданства, преследующей цель социальной реабилитации [10, с. 109].

Вопрос о правовой природе и отраслевой принадлежности экстрадиции остаётся одним из наиболее дискуссионных в отечественной доктрине. Анализ научной литературы позволяет выделить три основных подхода. Первая группа исследователей (И.И. Лукашук, А.В. Наумов [19, с. 30], Н.А. Сафаров [30, с. 20]) квалифицирует экстрадицию как самостоятельный институт международного уголовного права, акцентируя её полисистемность как главный критерий обособления. Вторая группа определяет институт через совокупность процессуальных и материальных аспектов: И.И. Карпец одновременно относил его к уголовно-процессуальному и уголовному праву, допуская и его административно- либо конституционно-правовую квалификацию [13, с. 157], тогда как В.М. Волженкина последовательно отстаивала уголовно-процессуальную природу выдачи [5, с. 183]. Третья группа исходит из междисциплинарного характера института: М.Д. Шаргородский утверждал, что нормы о выдаче являются смежными для отраслей международного, административного и уголовного права, а сама выдача представляет собой акт высших органов государственной власти, реализующих государственный суверенитет [32, с. 290, 300].

Критический анализ представленных позиций приводит к выводу о том, что наиболее обоснованной является трактовка экстрадиции как комплексного межотраслевого правового института: её сведение исключительно к уголовному процессу либо только к международному

праву искусственно сужает сущность феномена. В этой связи следует согласиться с Н.А. Сафаровым, аргументированно отмечавшим, что при-
дание приоритетного значения одной из сторон
экстрадиции в ущерб другим методологически
некорректно [29, с. 20–21]. Соответственно, ин-
ститут экстрадиции регулируется двумя относи-
тельно самостоятельными группами правовых
норм – международного и национального пра-
ва, причём последнее охватывает предписания
конституционного, уголовного, уголовно-испол-
нительного и уголовно-процессуального права;
правоотношения в этой сфере образуют слож-
ные интегрированные связи, одна часть кото-
рых имеет международно-правовой характер, а
другая – внутригосударственный, при этом по-
следние выступают обеспечительными по отно-
шению к первым [23, с. 44]. С учётом изложен-
ного экстрадицию допустимо определить **как
комплексную межотраслевую юридическую
процедуру выдачи лиц, обвиняемых в совер-
шении преступления либо осуждённых, из за-
прошенного суверенного государства запра-
шивающему, осуществляемую на основании
двустороннего или многостороннего между-
народного соглашения (а в их отсутствие – на
основе принципа взаимности) и направлен-
ную на обеспечение правосудия и достиже-
ние целей наказания виновных.**

Правовая природа экстрадиции находит
практическое преломление в трёх исторически
сложившихся мировых моделях [6, с. 38]. *Евро-
пейско-континентальная (административная) си-
стема* характеризуется тем, что окончательное
решение принимается органами исполнительной
власти, тогда как суд выполняет лишь консуль-
тативную функцию. *Англо-американская систе-
ма (стран общего права)*, напротив, предполагает
обязательное судебное участие при исследова-
нии достаточности доказательств причастности
лица к инкриминируемому деянию. *Смешанная
(французская) модель* занимает промежуточное
положение: запрос изначально рассматривает-
ся судом, отрицательное решение которого име-
ет обязательный характер для исполнительной
власти.

Объединяющей все указанные модели фун-
даментальной основой выступает принцип *aut
dedere aut judicare* («или выдай, или суди»), от-
носящийся к нормам международного обычно-
го права и означающий, что государство обяза-
но либо выдать лицо запрашивающей стороне,
либо самостоятельно осуществить уголовное
преследование; данная обязанность не может
быть предметом дискреционных исполнитель-

ных полномочий [25, с. 81]. Подытоживая дискус-
сию, уместно констатировать, что экстрадиция
по своей сущности являет собой *горизонталь-
ный* межгосударственный акт правовой помощи
(передача от суверена к суверену), тогда как пе-
редача лица в органы международной юстиции
имеет *вертикальный* характер. Указанное раз-
граничение обладает не только теоретическим,
но и существенным практическим значением,
поскольку предопределяет объём процессу-
альных гарантий и распределение компетенции
между органами государственной власти.

Проведённое исследование позволяет сфор-
мулировать ряд итоговых выводов. Истори-
ко-правовой генезис института наглядно демон-
стрирует его содержательную эволюцию – от
инструмента политической расправы к межго-
сударственному механизму обеспечения неот-
вратимости наказания, причём окончательное
оформление экстрадиции в её современном
понимании относится к XIX в., тогда как отожд-
ествление института с русско-византийскими
договорами X в. следует признать научным за-
блуждением, а первым достоверным отечествен-
ным источником – Договорную запись со Шве-
цией 1649 г. В юридической науке отсутствует
единый универсальный подход к определению
понятия экстрадиции, при этом наиболее обо-
снованной выступает институциональная трак-
товка В.П. Коняхина. Терминологический анализ
свидетельствует о недопустимости использо-
вания формулировки «выдача преступников»
ввиду её противоречия принципу презумпции
невиновности и о необходимости разграничения
категорий «экстрадиция», «выдача» и «передача»
по логической схеме «род – вид».

Экстрадицию следует строго отграничи-
вать от смежных институтов – депортации, ад-
министративного выдворения и передачи осу-
ждённых, – а также от вертикальной передачи
лиц органам международной юстиции. По сво-
ей сущности экстрадиция представляет собой
комплексный межотраслевой правовой инсти-
тут полисистемной природы, синтезирующий
нормы международного, конституционного,
уголовного, уголовно-исполнительного и уго-
ловно-процессуального права; попытки её све-
дения исключительно к одной из этих сфер ме-
тодологически некорректны. Правовая природа
экстрадиции находит практическое выражение
в трёх исторически сложившихся моделях её
осуществления – европейско-континентальной,
англо-американской и смешанной, объединяе-
мых базовым принципом *aut dedere aut judicare*.

Список литературы:

- [1] Абдуллоев П.С. Понятие выдачи лиц в рамках международного сотрудничества на постсовет-
ском пространстве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 1. С. 80–92.
[2] Бекишев Д.К. Актуальные проблемы международного сотрудничества в выдаче преступников //

Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности ОВД. 1996. Ч. 1.

[3] Вениаминов А.Г. Институт экстрадиции как форма международно-правового сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 233 с.

[4] Волженкина В.М. К вопросу о разработке закона «О выдаче (экстрадиции)» // Уголовное право. 2002. № 1. С. 6–9.

[5] Волженкина В.М. Выдача в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2002. 334 с.

[6] Воронин О.В. О понятии, содержании, типах, видах и сложившихся моделях экстрадиции // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 37–40.

[7] Гуськов И.Ю. Возникновение и становление института экстрадиции в России // Российский следователь. 2016. № 5. С. 7–11.

[8] Дворецкий И.Х. Латино-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

[9] Джигирь А.И. Экстрадиция: терминологический аспект // Закон и право. 2008. № 6. С. 107–108.

[10] Евсичева Л.Л. Экстрадиция, выдача и передача как институты международного сотрудничества в российском уголовном процессе // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. С. 109–113.

[11] Жданов Ю.Н., Костин А.Н. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. М., 1997. 120 с.

[12] Игнатенко Г.В. Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью. Свердловск, 1980. 73 с.

[13] Карпец И.И. Международное уголовное право / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1995. 171 с.

[14] Колибаб К.Е. Выдача обвиняемых и осужденных по международным договорам России // Правоведение. 1996. № 2. С. 83–88.

[15] Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Коняхин В.П. Институт экстрадиции: уголовно-правовая регламентация // Законность. 2005. № 1. С. 17–19.

[17] Корягин Ю.Г. Ретроспективный анализ становления института экстрадиции в России // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12. С. 132–137.

[18] Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 3-е изд. М.: Русский язык, 2001. 847 с.

[19] Лукашук И.И., Наумов А.В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве. М.: Российский юридический издательский дом, 1998. 160 с.

[20] Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 2. М.: Зерцало, 1996. 432 с.

[21] Международное уголовное право: российский концепт. Общая, Особенная и Специальная части: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина. М., 2025. 680 с.

[22] Миронов А.Н. Экстрадиция: проблемы категориального аппарата // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 4. С. 1–15.

[23] Миронов А.Н. Понятие, признаки и правовая природа экстрадиции // Полицейская и следственная деятельность. № 4. С. 37–51.

[24] Овчинский В.С. Интерпол (в вопросах и ответах). М.: Инфра-М, 2008. 368 с.

[25] Плотников А.В. История становления и развития института экстрадиции в современном международном праве (на примере РФ и США) // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 4. С. 69–83.

[26] Родионов К.С. Была ли в договоре 911 г. Киевской Руси с Византией норма о выдаче? // Государство и право. 2006. № 3. С. 75–85.

[27] Родионов К.С. История одного заблуждения. Часть первая // Государство и право. 2019. № 1. С. 152–164.

[28] Романов А.К., Лысягин О.Б. Институт экстрадиции: понятие, концепции, практика // Право и политика. 2005. № 3. С. 91–98.

[29] Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. М.: Волтерс Клувер, 2005. 416 с.

[30] Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 57 с.

[31] Смолькова И.В. Выдача или экстрадиция: вопросы терминологии // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 4. С. 435–442.

[32] Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. 312 с.

References:

[1] Abdulloev P.S. The concept of the surrender of persons within the framework of international

- cooperation in the post-Soviet space // *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*. 2017. No. 1. P. 80–92.
- [2] Bekishev D.K. Current issues of international cooperation in the extradition of criminals // *Issues of improving the law enforcement activities of internal affairs bodies*. 1996. Part 1.
- [3] Veniaminov A.G. The institution of extradition as a form of international legal cooperation of the Russian Federation in the sphere of criminal proceedings: Diss. ... Cand. Jurid. Sci. Moscow, 2010. 233 p.
- [4] Volzhenkina V.M. On the issue of drafting the law «On Surrender (Extradition)» // *Criminal Law*. 2002. No. 1. P. 6–9.
- [5] Volzhenkina V.M. Extradition in Russian criminal procedure. Moscow: Yurlitinform, 2002. 334 p.
- [6] Voronin O.V. On the concept, content, types, varieties, and established models of extradition // *Criminal Justice*. 2018. No. 11. P. 37–40.
- [7] Guskov I.Yu. The emergence and development of the institution of extradition in Russia // *Russian Investigator*. 2016. No. 5. P. 7–11.
- [8] Dvoretzky I.Kh. Latin-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1976. 1096 p.
- [9] Dzhigir A.I. Extradition: the terminological aspect // *Law and Right*. 2008. No. 6. P. 107–108.
- [10] Evsicheva L.L. Extradition, Surrender, and Transfer as Mechanisms of International Cooperation in Russian Criminal Procedure // *Man: Crime and Punishment*. 2013. No. 1. Pp. 109–113.
- [11] Zhdanov Yu.N., Kostin A.N. International Cooperation in Combating Crime. Moscow, 1997. 120 p.
- [12] Ignatenko G.V. International Cooperation of States in Combating Crime. Sverdlovsk, 1980. 73 p.
- [13] Karpets I.I. International Criminal Law / Ed. by V.N. Kudryavtsev. Moscow: Nauka, 1995. 171 p.
- [14] Kolibab K.E. Surrender of Accused Persons and Convicts under Russia's International Treaties // *Pravovedenie*. 1996. No. 2. Pp. 83–88.
- [15] Convention against Transnational Organized Crime (adopted in New York on November 15, 2000, by Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly) // *ConsultantPlus Legal Reference System*.
- [16] Konyakhin V.P. The Institution of Extradition: Criminal Law Regulation // *Zakonnost*. 2005. No. 1. Pp. 17–19.
- [17] Koryagin Yu.G. Retrospective Analysis of the Development of the Extradition Institution in Russia // *Law and State: Theory and Practice*. 2021. No. 12. Pp. 132–137.
- [18] Krysin L.P. Explanatory Dictionary of Foreign Words. 3rd ed. Moscow: Russkiy Yazyk, 2001. 847 p.
- [19] Lukashuk I.I., Naumov A.V. Surrender of Accused Persons and Convicts in International Criminal Law. Moscow: Rossiyskiy Yuridicheskiy Izdatelskiy Dom, 1998. 160 p.
- [20] Martens F.F. Modern International Law of Civilized Nations: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Zertsalo, 1996. 432 p.
- [21] International Criminal Law: A Russian Concept. General, Special, and Specific Parts: Textbook for Higher Education Institutions / Ed. by V.P. Konyakhin. Moscow, 2025. 680 p.
- [22] Mironov A.N. Extradition: Problems of the Categorical Apparatus // *Police and Investigative Activity*. 2025. No. 4. P. 1–15.
- [23] Mironov A.N. The Concept, Characteristics, and Legal Nature of Extradition // *Police and Investigative Activity*. No. 4. P. 37–51.
- [24] Ovchinsky V.S. Interpol (In Questions and Answers). Moscow: Infra-M, 2008. 368 p.
- [25] Plotnikov A.V. History of the Formation and Development of the Institution of Extradition in Modern International Law (Case Studies of the Russian Federation and the USA) // *RUDN Journal of Law*. 2009. No. 4. P. 69–83.
- [26] Rodionov K.S. Did the 911 Treaty Between Kievan Rus and Byzantium Contain a Provision on Extradition? // *State and Law*. 2006. No. 3. P. 75–85.
- [27] Rodionov K.S. The History of a Misconception. Part One // *State and Law*. 2019. No. 1. P. 152–164.
- [28] Romanov A.K., Lysyagin O.B. The Institution of Extradition: Concept, Theories, and Practice // *Law and Politics*. 2005. No. 3. P. 91–98.
- [29] Safarov N.A. Extradition in International Criminal Law: Theoretical and Practical Issues. Moscow: Wolters Kluwer, 2005. 416 p.
- [30] Safarov N.A. Extradition in International Criminal Law: Theoretical and Practical Issues: Abstract of Doctoral Dissertation (Law). Moscow, 2007. 57 p.
- [31] Smolkova I.V. Surrender or Extradition: Terminological Issues // *Academic Legal Journal*. 2022. Vol. 23. No. 4. P. 435–442.
- [32] Shargorodsky M.D. Criminal Law. Moscow, 1948. 312 p.